

Политические институты, процессы, технологии

政治机构、进程、技术

Political Institutions, Processes, Technologies

Научная статья

УДК 94:327(5)

EDN IZFRQE

DOI 10.17150/2587-7445.2025.9(1).74-91

Основные тенденции политики гендерного равенства в Китае: историческая ретроспектива и актуальные социальные практики**Е.В. Севостьянова**

Читинский институт (филиал)
Байкальского государственного
университета,
г. Чита, Российская Федерация

Т.А. Шаренкова

Читинский институт (филиал)
Байкальского государственного
университета,
г. Чита, Российская Федерация

Дата поступления:

24.12.2024

Дата принятия к печати:

24.03.2025

Дата онлайн-размещения:

22.04.2025

Аннотация. В статье анализируются основные направления и тенденции реализации политики гендерного равенства в современном Китае с учетом исторической ретроспективы и с опорой на исследования российских и китайских аналитиков, статистику КНР и международные базы данных. Авторы считают, что в современном мире целенаправленная политика имеет решающее значение для достижения гендерного равенства. В первой части рассматриваются идеи гендерного равенства в исторической ретроспективе, с учетом специфики исторического развития и менталитета китайского общества; во второй — анализируются основные тенденции, условия, успехи и противоречия реализации политики гендерного равенства в современном Китае. Авторы приходят к выводу, что современная политика Китая по гендерному выравниванию стала частью различных проектов модернизации внутри страны, осуществляется при сохранении ведущей роли государства, хотя правительство придает все больше значения деятельности неправительственных организаций в этой сфере. Содержательно политика гендерного равенства полностью согласуется с идеологическим и политическим курсом КПК, стратегически соответствует целям по развитию социализма с китайской спецификой. Но при этом методы и формы ее реализации становятся все более разнообразными, учитывают актуальные потребности и вызовы. Политика гендерного выравнивания вписана в глобальную повестку и осуществляется в условиях международного сотрудничества Китая в этой сфере. Международные идеи и общемировые тенденции оказывают влияние на национальную гендерную политику. Авторы полагают, что Китай сегодня в реализации гендерной политики нацелен на переход от равенства в правах к равенству в возможностях.

Ключевые слова. КНР, Китай, гендерная политика, гендерное равенство, китайская модернизация, права женщин.

科学文章

中国性别平等政策的主要趋势：历史回顾与当前社会实践

Ye.V. Sevostyanova贝加尔国立大学赤塔学院 (分院),
赤塔市, 俄罗斯联邦**T.A. Sharenkova**贝加尔国立大学赤塔学院 (分院),
赤塔市, 俄罗斯联邦

结稿日期: 2024年12月24日

出版日期: 2025年03月24日

网上出版日期: 2025年04月22日

摘要: 本文在回顾历史的基础上, 依据俄罗斯和中国分析人士的研究、中国统计数据和国际数据库, 分析了当代中国实施性别平等政策的主要方向和趋势。作者认为, 在当今世界, 有针对性的政策对于实现性别平等至关重要。第一部分结合中国社会的历史发展和心态特点, 对性别平等思想进行了历史回顾; 第二部分分析了当代中国实施性别平等政策的主要趋势、条件、成就和矛盾。作者得出的结论是, 尽管政府越来越重视非政府组织在这一领域的活动, 但中国现行的性别平等政策已成为国内各种现代化项目的一部分, 并在国家主导下得以实施。从内容上看, 性别平等政策与中国共产党的思想政治路线完全一致, 在战略上与发展中国特色社会主义的目标相适应。同时, 考虑到当前的需求和挑战, 其实施方法和形式也变得更加多样化。性别平等政策是全球议程的一部分, 并在中国的国际合作背景下实施。国际理念和全球趋势影响着国家性别政策。作者认为, 当今中国实施性别政策的目标是从权利平等转向机会平等。

关键词: 中华人民共和国, 中国, 性别政策, 性别平等, 中国式现代化, 妇女权利。

Original article

Key Trends in Gender Equality Policy in China: Historical Retrospect and Current of Social Practices

Ye.V. SevostyanovaChita Institute of Baikal State
University,
Chita, Russian Federation**T.A. Sharenkova**Chita Institute of Baikal State
University,
Chita, Russian Federation

Received: 2024 December 24

Accepted: 2025 March 24

Available online: 2025 April 22

Abstract. The article analyzes the main directions and trends in the implementation of gender equality policies in modern China, taking into account historical retrospective and relying on the research of Russian and Chinese analysts, PRC statistics and international databases. In today's world, targeted policies are critical to achieving gender equality, authors say. The first part examines the ideas of gender equality in historical retrospect, taking into account the specifics of the historical development and mentality of Chinese society; in the second, the main trends, conditions, successes and contradictions of the implementation of gender equality policies in modern China are analyzed. The authors conclude that China's modern policy of gender equalization has become part of various modernization projects within the country, is carried out while maintaining the leading role of the state, although the government attaches increasing importance to the activities of non-governmental organizations in this area. Meaningfully, the policy of gender equality is fully consistent with the ideological and political course of the CCP, strategically corresponds to the goals for the development of socialism with Chinese characteristics. But at the same time, the methods and forms of its implementation are becoming more and more diverse, taking into account current needs and challenges. The policy of gender equalization is inscribed in the global agenda and is carried out in the context of China's international cooperation in this area. International ideas and global trends influence national gender policies. The authors believe that China today in the implementation of gender policy is aimed at moving from equality in rights to equality in opportunities.

Keywords. China, gender policy, gender equality, Chinese modernization, women's rights.

Введение

Стратегическое сближение России и КНР стимулирует взаимные исторические, экономические, политико-правовые исследования. Сегодня КНР показывает рост экономических и социальных показателей в темпах, которые привлекают внимание многих аналитиков и исследователей. На Дальнем Востоке, в силу трансграничного положения территорий, интерес к Китаю имеет давние традиции, заметно трансформируется и приобретает не только академический, но и практический характер, развивается с учетом региональных связей и моделей развития [1], в том числе и в формах, имеющих отношение к интересующей нас проблематике. Через призму таких связей можно, например, рассматривать опыт проведения Первого Дальневосточного женского форума в Чите в апреле 2019 г. с участием представительниц из Китая и Монголии¹.

Целью статьи является рассмотрение основных тенденций политики формирования гендерного равенства с учетом как исторической ретроспективы и традиционных для китайского менталитета взглядов на положение мужчин и женщин, так и современной динамики. Широко применяемое исследователями понятие «гендерная политика» не обрело еще категориального статуса, является предметом дискуссий и нередко имеет разную смысловую нагрузку [2]. В статье гендерная политика понимается как деятельность органов государственной власти, направленная на достижение равенства мужчин и женщин во всех сферах общества. Мы согласны с принципом, который определила ЭСКАТО (ESCAP) в ноябре 2024 г.: в современном мире «целенаправленная политика имеет решающее значение для достижения гендерного равенства»², и исходим из понимания цели гендерной политики как достижения фактического равенства, когда все граждане, независимо от пола, обладают свободой выбора и свободой развития способностей без ограничений, которые накладываются на них правовыми нормами, стереотипами или традиционной гендерной системой.

В мире проблема гендерного выравнивания остается актуальной. Среднемировое значение

индекса «Женщины, бизнес и закон» составляет 77,1 балла (это означает, что в среднем женщины мира имеют около 77 % прав, которыми обладают мужчины). Согласно выводам экспертов Всемирного банка, гендерные асимметрии коренным образом подрывают эффективность политических стратегий и влияют на экономическое развитие стран, независимо от того, какие гендерные подходы в этих странах существуют и на каких уровнях развития эти страны находятся³. Едва ли можно универсализировать все проблемы, с которыми сталкиваются женщины мира в целом, но есть те, которые определяют гендерное равенство/неравенство в наиболее существенных признаках. Добавим, что в 2025 г. исполнится 30 лет Пекинской декларации, однако стоит отметить, что часть стран, к ней присоединившихся, не перевела декларативные намерения в обязательства и конкретные программы⁴.

Проблема гендерной политики КНР интересует как китайских, так и российских исследователей. Так, А.Л. Верченко приходит к выводу, что КПК в 1920-е гг. рассматривала движение за права женщин как часть национально-революционного движения [3]. Г.Г. Корнаухова и Е.С. Луковина, анализируя вопрос о правомерности существования распространенного в китайской историографии положения о национальной специфичности китайского феминизма и сравнивая его с особенностями женского движения в России 1920-х гг. и эпохи сталинизма, приходят к выводу о совпадении исторической гендерной матрицы [4]. Е.Н. Степанова обобщает оценки гендерной политики КПК и Гоминьдана в российской историографии [5]. О.В. Почагина анализирует Законы КНР о браке и правоприменительную практику, фиксирует изменения в построении гендерных отношений, повышение толерантности, среднесрочные и долгосрочные социальные вызовы и угрозы [6]. Китайскими исследователями отмечается, что гендерная

³ Темпы продвижения к обеспечению равноправия женщин упали до самых низких показателей за последние 20 лет // Группа Всемирного банка. 2023. 2 марта. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2023/03/02/pace-of-reform-toward-equal-rights-for-women-falls-to-20-year-low>.

⁴ В четвертой Всемирной Пекинской конференции ООН по положению женщин (1995 г.) приняли участие 189 стран. Пекинская декларация и Платформа действий 1995 г. считаются наиболее прогрессивными рамочными документами в области защиты прав женщин и продолжают определять глобальные действия и национальные программы по защите прав и интересов женщин во всем мире. Платформа охватывает 12 критических проблемных областей, не утративших своей актуальности и сегодня.

¹ Дальневосточный женский форум в Забайкальском крае собрал порядка двух тысяч человек // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. 17.04.2019. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/dalnevostochnyy-zhenskiy-forum-v-zabaykalskom-krae-sobral-poryadka-dvukh-tysyach-chelovek-21690/>.

² ЭСКАТО (ESCAP): экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана — одна из пяти региональных комиссий Экономического и социального Совета ООН.

политика в КНР — это не только история приобретения китайскими женщинами основного статуса, но и процесс конструирования национальной идеологии женских проблем с высокой гласностью и политизацией. Ши Фэнлянь считает, что в Китае исследования (включая анализ политического участия женщин) пережили два пика: в 1920-е гг. во время движения за освобождение женщин и под влиянием западных теорий и после 1980 г., особенно накануне и после проведения IV Всемирной конференции 1995 г. по положению женщин [7]. Если в первый период исследования в большей степени имели прикладной характер (авторы старались найти ответы на «срочные вопросы реальности»), то во второй период появились междисциплинарные академические работы.

Гендерное неравенство в исторической ретроспективе: взгляд китайских и российских исследователей

Гендерная асимметрия и гендерная дискриминация имеют глубокие корни в китайской культуре. В патриархальных социокультурных условиях при жесткой регламентации социальных ролей женщина веками занимала подчиненное положение. Ритуализация и институционализация превратили представления о более низком статусе женщин в паттерны общественного сознания. Как отмечает Ш. Чжан, в современной китайской семье воспитание по-прежнему направлено на формирование традиционных представлений «о мужской ответственности за работу и женской ответственности за домашние дела» [8]. С женщинами, как правило, связывают меньше социальных ожиданий.

Истоки уничижительного отношения к женщине некоторые исследователи видят в конфуцианстве. Возникшая под его влиянием гендерная асимметрия нашла отражение в китайском языке, письменности, этикетных формах обращения. Так, Ван Минь указывает на сложившуюся практику, когда в официальной ситуации при обращении к женщине принадлежность к полу необходимо дополнительно подчеркивать [9]. Такие обращения отражают пренебрежительное отношение к образованной женщине, порождая в быту выражения с уничижительной коннотацией («в мире существует три рода человека — мужчина, женщина и женский доктор или кандидат»)⁵. Лингвисты, изучающие репрезента-

цию гендера в языке, утверждают, что дискриминация отражается в иероглифах с графемой 女 (nǚ) — женщина, большинство из которых имеют негативную коннотацию. Среди таких встречаются обозначения низкого социального статуса, осуждаемых черт характера, предосудительного поведения (к примеру, 奸商 — спекулянт; 孬 — трусливый; 奸 — зло). В целом язык рассматривается не только как средство отражения картины мира, но и средство формирования мышления и ментальности. Такая исследовательская позиция вполне вписывается в направления постмодернистской мысли, утверждающие, что воспринимаемая реальность на самом деле есть социально и лингвистически сконструированный феномен. Гендерные отношения присутствуют в языке в виде культурно обусловленных стереотипов и паттернов сознания. Проявление гендерной асимметрии можно проследить во многих идиоматических выражениях чэньюй (成语), среди которых: 男尊女卑 — «уважение к мужчине и презрение к женщине»; 男唱女随 — «муж запекает, жена подпекает»; 重男轻女 — «ценить мужчин и пренебрегать девочками (дочерьми)» и др. Чэньюй — привычная часть устной традиции, они встречаются в классической китайской литературе, активно используются, их можно найти на веб-сайтах, посвященных китайской культуре, в исследованиях, связанных с социальной ролью женщин⁶. Отметим, что в современном Китае (прежде всего в китайском сегменте Интернета) появились устойчивые выражения, принижающие статус мужчин (например, 男的垃圾 nándelājī, «мужской мусор»).

Философ Ченьян Ли отмечает, что в последние десятилетия появились исследования, в которых утверждается, что конфуцианская философия в разные исторические эпохи меняла некоторые представления о роли женщин, и нельзя утверждать, что она всегда была направлена исключительно против женщин [10]. Этот сложившийся стереотип, в частности, был характерен для периода проникновения в Китай западных идей, когда и китайские радикалы, и представители западной культуры одинаково рассматривали женщин как бессильных, пассивных, «угнетенных жертв традиционной культуры», которые могут быть освобождены только

⁵ Чтобы обратиться к женщине, которая имеет должность, необходимо добавлять иероглиф 女 (женщина), например — 女科学家 (женщина-ученый).

⁶ Один из таких источников — 《成语词典》(Chéngyǔ cídiǎn); Китайские онлайн-ресурсы, такие как Baidu Baike, Zhihu или китайские учебные сайты могут предоставлять контекст для этих выражений в современных условиях.

благодаря привнесённым западным ценностям и образованию.

Отметим, что в последние десятилетия появились выражения, подчеркивающие участие женщин в разных сферах жизни. Например:

– 女强人 (nǚ qiángrén) — «женщина-сильный человек» или «женщина-лидер». Этот термин стал популярным для обозначения женщин, добившихся успеха в бизнесе или находящихся на высоких должностях. Это аналог выражения «сильный человек» (强人, qiángrén), который традиционно применялся к мужчинам;

– 女汉子 (nǚ hànzi) — «женщина как мужчина» или «женщина с мужским характером». Используется для описания женщин, которые не боятся проявлять решительность в действиях, зачастую в «мужских» сферах;

– 女性领导 (nǚ xìnglǐngdǎo) — «женский лидер». В последнее время все чаще используется для обозначения женщин на руководящих позициях, что ранее было крайне редким явлением. Трудно сказать, являются ли эти выражения свидетельством перемен в общественном сознании и индикатором более значимой роли женщин в обществе, или они просто закрепляют возникновение новых социальных феноменов, для которых еще не сложился язык описания, поэтому новый статус женщин фиксируется через референцию к мужчине.

Однако не только истоки формирования гендерного неравенства, но и истоки формирования феминизма некоторые китайские исследователи находят на родной почве — в критике идей конфуцианства и в идеях даосизма. Китайский философ Лян Цичао (梁启超) ни в одном из своих трудов не использовал термин «права женщин». Однако, выступая в конце XIX в. за упразднение бинтования ног, за доступ к получению образования, участие в производительном труде, по сути, выступал за права женщин⁷.

Российские и китайские исследователи анализируют и внешние факторы, повлиявшие на возникновение новых гендерных представлений в начале XX в. Нужно учесть, что исторический контекст рубежа XIX–XX вв. был сложным: зависимость империи Цин от иностранных держав, падение имперского престижа после проигрыша в японо-китайской войне 1894–1895 гг., провалившаяся попытка реформаторского движения внутри страны, восстание ихэтуаней. На цивилизационное влияние в патриархальном

Китае претендовали и Европа, и Япония, быстрее усвоившая, хотя бы внешне, некоторые социальные западноевропейские образцы [11]. Вопрос о том, порождены ли были идеи гендерного равенства осознанием тяжелого положения китайских женщин и жаждой социальной справедливости или ущемленным национальным достоинством и желанием китайской интеллектуальной элиты избавиться «от репутации отсталой варварской страны» [12], остается дискуссионным. Во всяком случае, передовые идеи продвигали в основном мужчины-интеллектуалы. Так, занимавший радикальную феминистскую позицию мыслитель Кан Ювэй (康有为) (посетивший в 1899–1913 гг. более 30 стран), усматривал ранние истоки неравенства полов и обесценивания роли женщин в эпохе первобытности, когда выживание зависело от физической силы мужчин [13]. Позже отношение к женщине было институционализировано конфуцианским ригоризмом. Отметим, что Кан Ювэй принадлежит авторство понятия хуньинь цзыю (婚姻自) — «свобода брака», вошедшее в правовую практику Китая⁸.

Значимым внешним фактором было проникновение в Китай христианских идей. Так Э.Я. Синецкая пишет о протофеминизме, появляющемся вместе с миссионерами; она выделяет два фактора — религиозную проповедническую деятельность, связанную с распространением слова Божия, и экстрарелигиозную — строительство монастырей, призрение сирот, открытие школ для девочек. Действуя по принципу «где стоит церковь, там стоит женская школа», до 1926 г. миссионеры открыли 15 000 школ, в которых обучались 800 тыс. детей (116 251 девочка) [14]. Христианство разрушало традиционные представления о том, что «женщины без знания добродетельны», содержало идеи, отличные от китайского миропонимания, и давало возможность женщине иначе посмотреть на семейные отношения. Немногочисленные женщины, которых можно отнести к первым борцам за женское равноправие, окончили миссионерские школы [15]. Отметим, что влияние западных идей было заметно на отдельных примерах, в частности «шанхайском феномене». Чжан Айлин в 1944 г. писала, что горожанки, которых привлекал западный либерализм, внешне выглядели прогрессивными, подражая женщинам Европы и Америки, однако внутренне были не

⁷ 梁启超: 女学为第一义 [150-летие Лян Цичао | Лян Цичао: образование женщин — первая миссия]. URL: https://m.thepaper 150年 | 梁启超cn/baijiaha0_25027318.

⁸ Закон о браке 1950 г. в противовес патриархальным традициям устанавливал свободу выбора при заключении брака и для мужчин, и для женщин.

готовы к переменам и за прогрессивным обликом скрывалась «тысячелетняя привычка» внутренней зависимости от мужчин. Это порождало многие социальные проблемы [16].

В целом дебаты о правах женщин сводились к четырем ключевым темам: бинтование ног, доступ к образованию, присоединение к рабочей силе и (в меньшей степени) участие в управлении. В начале XX в. женское движение стимулировалось сверху, женщин вдохновляли национально-революционными идеями, их труд рассматривался как помощь развитию нации. Политика гендерного равенства стала важным компонентом стратегии национального развития, инициировалась, поддерживалась и направлялась государством. Поскольку движение за гендерное равенство возглавляли мужчины, оно «быстро интегрировалось в другие общественные движения» [17].

После образования КНР наступил период молчания о гендерном неравенстве, поскольку согласно классовому официальному нарративу КПК установила равенство мужчин и освобожденных от угнетения женщин. В 1949 г. женщины законодательно получили права в сферах политики, труда, образования без споров и борьбы за них (в этом же году была создана Всеитайская федерация женщин). Нехватка рабочей силы обусловила женскую профессиональную занятость; занятость и экономическая независимость способствовали гендерному выравниванию, однако это равенство провозглашалось, главным образом, на рабочем месте. В семье женщины продолжали выполнять традиционные («женщина должна быть дома») роли. Согласно марксистской парадигме, основные причины дискриминации индивидов по признаку пола — существование частной собственности и классовой структуры. Дискриминация женщин при этом рассматривалась как частный случай всей системы социального неравенства и эксплуатации. Все, что не объяснялось экономическими категориями — существование патриархальной социальной структуризации, наличие специфических женских интересов и целей, проблемы женской идентичности — исключалось из концептуального осмысления.

Исследователи в числе факторов, способствующих гендерному выравниванию, отмечают наличие активного женского движения. Однако в Китае не был пройден долгий и сложный путь формирования феминизма и женского движения; эмансипация женщин шла в русле общей эмансипации нации и в какой-то мере предо-

пределялась ею, и феминизм в такой ситуации оказывался лишенным стимула развития. В КНР равные права женщин были зафиксированы в Конституции КНР 1954 г. без борьбы за них, свобода выбора была предоставлена Законами КНР о браке. Это повлияло на специфику возникновения, структурирования и работы женских организаций, хотя после начала реформ 1978 г. и политики открытости проникновение идей феминизма усилилось. В 1987 г. возник Центр женских исследований КНР. Шень Ифэй отмечал, что в Китае независимые и массовые феминистские движения, аналогичные западным, не развивались. Хотя феминистки выступали за защиту прав и интересов женщин, но движение не стало мейнстримом [17].

В целом политика гендерного выравнивания в КНР имела политизированный характер. Когда партии необходимо было мобилизовать женщин для проведения социально-экономических преобразований, повышения производительности труда или для достижения идеологических целей, она подчеркивала значимость общественной роли женщин (во всяком случае, в официальной риторике). Когда приоритеты государства смещались, то цели гендерного равенства становились второстепенными. Это позволяет некоторым исследователям говорить о парадоксальном феномене «государственного феминизма» [18]. В силу этого и реализация гендерного равенства в сфере политики имела «веретенообразный» характер — вовлекалось очень мало женщин на высшем управленческом и на низовом уровнях, такая политика, по сути, была рассчитана на средние слои и средний (региональный) уровень управления [19].

Политика гендерного выравнивания в современном Китае: основные условия и тенденции

Сегодня взгляды на гендерное равенство в КНР поляризованы, отражая влияние как традиционных гендерно-ролевых установок, так и модернизации [20]. Знаменитая цитата Мао Цзэдуна «Женщины держат половину неба» популярна в Китае, однако «время, деньги и силы до сих пор не распределены поровну между полами». Нас интересовало, как в последнее десятилетие представлены основные тенденции политики гендерного выравнивания в актуальной социально-политической практике Китая, какие успехи и сложности имеют существенный характер. Отметим, что в КНР ведется работа по созданию государственной системы гендерного мо-

нитинга, придается большое значение сбору данных и анализу положения женщин. Для анализа новейших показателей использовались международные базы данных, отчеты Национального бюро статистики КНР за 2021 г. (являющийся первым годом реализации Концепции развития китайских женщин 2021 — 2030 гг.) и за 2022 г.⁹

Полагаем, что защита нуждающихся женщин является первичным условием реализации гендерной политики. В 2022 г. размер прожиточного минимума в Китае на душу населения составлял 752,3 юаня в месяц для городских жителей и 582,1 юаня в месяц для сельских (на 5,7 % и 9,8 % больше, чем в 2021 г.). Общее число получателей прожиточного минимума и людей, живущих в условиях крайней нищеты в городских и сельских районах, составило 45,015 млн, из которых 19,526 млн женщин (43,4 %). Другим важным условием является защита здоровья женщин, в том числе матерей. Сегодня в КНР заметно усиление работы по пяти «системам безопасности матери и ребенка»: от лечения заболеваний (онкология, передача ВИЧ-инфекций от матери) до пренатального, натального и постнатального сопровождения (уровень систематического ведения беременности и уровень пренатального скрининга составили 92,9 % и 85,7 %). По сравнению с 2020 г. показатель материнской смертности в 2021 г. уменьшился на 4,7 %. Растет число женщин, участвующих в базовом медицинском страховании (в 2021 г. — 600 млн, в 2021 г. — 650 млн, что составило 48,5 % от общего числа женщин). Расширяется базовое пенсионное страхование, увеличивается число женщин, участвующих в страховании по беременности (в 2022 г. больше на 108 млн), родам (105 млн на конец 2021 г.), от безработицы и травм на производстве. Усилена инфраструктура здравоохранения, включая модернизацию больниц и обучение специалистов для работы в бедных районах; введены программы, способствующие равенству доступа к медицинским ресурсам, включая обучение женщин в области медицины¹⁰.

⁹ Statistical Monitoring Report of China National Program for Women's Development (2021–2030) in 2022 // National Bureau of Statistics of China. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202401/t20240115_1946563.html.

¹⁰ 国家卫生健康委关于印发贯彻2021-2030年中国妇女儿童发展纲要实施方案的通知. [Национальная комиссия по здравоохранению о подготовке и осуществлении плана реализации Основных направлений развития китайских женщин и детей на период с 2021 по 2030 год]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-04/09/content_5684258.htm; 2022年《中国妇女发展纲要(2021–2030年)》统计监测报告. [Отчет о статистиче-

Стоит отметить и сложную демографическую ситуацию, стимулирующую правительство принимать меры по поддержке женщин. Во-первых, в Китае специфический демографический дисбаланс — значительное преобладание мужского населения над женским (в 2022 г. 51,1 % мужчин и 48,9 % женщин, что означает, что мужчин больше на 32,37 млн). Такая ситуация сложилась как результат проводимой с конца 1970-х гг. официальной политики одного ребенка и консервативных паттернов «культурного предпочтения сыновей». Во-вторых, наблюдается стремительное падение суммарного коэффициента рождаемости до демографического минимума (в 1982 г. — 22,28 %, в 2022 г. — 6,77 %) [21]. В этих условиях, полагаем, усиление гендерного выравнивания будет связано не только с гуманитарными целями, но и с осознанием прагматических целей, когда политика гендерного равенства становится необходимым условием экономического роста и частью общей стратегической программы развития населения.

Важным условием гендерного равенства аналитики считают показатели самооценки и уровня социальной поддержки [22]. По докладу Центра защиты прав женщин университета Чжэнчжоу 2023 г., китайские женщины в целом не считают себя «полностью эмансипированными» и опасаются возможных контрреформ [23]. При этом китайские исследователи отмечают, что женщины, «которые верят в гендерное равенство, снизили порог терпимости к дискриминации по признаку пола» («остро воспринимают, чувствуют замешательство и гнев»), тогда как женщины с традиционной идентичностью более терпимы и принимают привычные гендерные матрицы («женщины ниже мужчин», «мужчины доминируют снаружи, женщины доминируют внутри») [20]. В этой связи отметим, что Си Цзиньпин в октябре 2023 г. на встрече с новым руководящим составом Всекитайской федерации женщин призвал проводить углубленные исследования, чтобы «получать представления о мыслях и чаяниях женщин на низовом уровне и понимать насущные потребности в деле развития женщин»¹¹.

Сегодня в КНР продолжается совершенствование нормативно-правовой базы, детализация

ском мониторинге за 2022 год «Основные направления развития китайских женщин (2021–2030)». URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202312/t20231229_1946062.html.

¹¹ Цит. по: Си Цзиньпин подчеркнул необходимость организации и побуждения женщин к внесению вклада в китайскую модернизацию // Синьхуа Новости. URL: <https://russian.news.cn/20231031/764834fd09c0435fbee7332fb2c27782/c.html>.

норм и механизма их реализации. В целом сформировалась правовая система гарантий на основе положений Конституции КНР и Закона КНР «О защите прав и интересов женщин», включающая более 10 основных законодательных актов, около 40 государственных административных законоположений и более 80 нормативно-правовых актов местного значения. Однако исследователи отмечали несовершенство механизма правоприменительной практики и отсутствие однозначного понимания, какие действия в отношении женщин являются дискриминирующими, не были диверсифицированы формы ответственности за гендерную дискриминацию. Для женщин, которые сталкивались с предвзятым отношением в сфере трудоустройства (поиск работы, оплата труда, карьерный рост, трудовые отношения), это усложняло процесс доказывания в суде [24]. Как считают специалисты-практики, соблюдение трудовых норм является сложным вопросом и во многом зависит от субъективного фактора, который в каждом отдельном случае может влиять на обстоятельства дела, особенно в условиях динамичного развития трудового законодательства [25]. Отметим, что китайское трудовое право имеет весьма недолгую историю. Первый специализированный закон в области трудового права КНР «О трудовых отношениях» вступил в силу 5 июля 1994 г. Закон впервые за всю историю права Китая закрепил права работника, став «эпохальным событием» в рамках развития трудового законодательства страны. Закон «О трудовом договоре» был принят в 2008 г., в связи с географическими особенностями страны центральная власть частично делегировала законодательные полномочия по некоторым вопросам (отпуск по беременности, страхование) органам региональной власти.

По данным Всемирного банка, по приросту показателя по нормативно-правовому регулированию Восточная Азия и Тихоокеанский регион занимали в 2019 г. второе место в мире с увеличением индекса с 64,8 до 70,73 балла (в регионе проведено 38 реформ)¹². Среднемировой показатель индекса гендерного равенства составил 74,71 балла; в Китае 76,25 %, при этом по отдельным показателям выявлена значительная разница. Самые низкие показатели были по параметрам пенсионного обеспечения и опла-

¹² Невзирая на достигнутый прогресс, женщины сталкиваются с ограничениями юридических прав, негативно сказывающимися на их участии в трудовой деятельности // Группа Всемирного банка. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2019/02/27/despise-gains-women-face-setbacks-in-legal-rights-affecting-work>.

ты труда женщин. По свободе перемещения, трудоустройству, распоряжению имуществом показатель составил 100 баллов; по показателям вступления в брак и рождения детей — 80; по ведению бизнеса — 75; по пенсионному обеспечению — 50; оплате труда — 25¹³.

В 2021 г. Государственный совет КНР опубликовал «Основные направления развития китайских женщин» (75 основных целей и 93 стратегические меры), реализация которых в 2030 г. предполагает обеспечение равных прав в восьми ключевых областях: здравоохранение, образование, занятость, участие в управлении, социальное обеспечение, поддержка семьи, окружающая среда, юридические права и интересы (включая подход «нулевой терпимости» в отношении насилия в семье)¹⁴. С 1 января 2023 г. вступили в силу поправки (около 30 новых статей) к Закону КНР о защите прав и интересов женщин, направленные на усиление мер защиты от дискриминации в сфере труда (усилена ответственность работодателей, вплоть до уголовной); мер по предотвращению домашнего и сексуального насилия, торговли женщинами. Обсуждение поправок к последнему проекту закона (более 700 тыс. комментариев) показывает его важность как для правительственных структур, так и для общественности. Как пишет С. Чень, роль пионеров экспертной и правоприменительной практики сыграли два пилотных региона — провинция Цзянсу (2011 г.) и специальная экономическая зона Шэньчжень (2012 г.), где была отработана на конкретных актах экспертная оценка документов на соответствие их принципу гендерного равенства [26]. Заметим, что еще в 2019 г. Министерство людских ресурсов совместно с девятью другими ведомствами издали специальные правила и разъяснения моделей поведения работодателей, согласно которым, например, при приеме на работу женщин не должны спрашивать о замужестве, детородном статусе, предлагать пройти тест на беременность. Так что принятие новой редакции Закона КНР о защите прав и интересов женщин стало результатом большой предварительной работы.

Положительная динамика фиксируется в сфере профессиональной занятости женщин. Жен-

¹³ Women, Business and the Law 2019: A Decade of Reform. 2019 // World Bank Group. URL: www.worldbank.org.

¹⁴ 国务院印发《中国妇女发展纲要（2021 - 2030）年》和《中国儿童发展纲要 [Государственный совет опубликовал «Основные направления развития китайских женщин (2021–2030 годы)» и «Основные направления развития китайских детей (2021–2030 годы)»]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-09/27/content_5639545.htm.

щины в среднем еще находятся на более низких ступенях трудовой иерархии, большинство на второстепенных должностях и в низкооплачиваемых секторах экономики (мелкая торговля, сфера услуг, фермерство); на сопоставимых работах зарабатывают около 70 % от того, что зарабатывают мужчины. Однако в последние годы ситуация меняется. Уменьшается разрыв в доходах: в 2019 г. он составлял 22–22,5 %; в 2023 г. средний уровень заработной платы женщин (8 689 юаней) был на 12 % ниже, чем у мужчин (9 942 юаня)¹⁵. Женщины начинают работать в высокотехнологичных отраслях; разработана политика поддержки самозанятости женщин, льготный режим субсидий на профессиональное обучение; на всех уровнях приняты меры, направленные на создание рабочих мест в госсекторе, создание окон служб занятости, специальных ярмарок вакансий. По уровню экономического участия женщин Китай находится выше многих стран, занимая 47 место из 146, по равенству оплаты труда — 22 (с коэффициентом 0,792)¹⁶.

В последнее десятилетие Китай создает институциональную среду, способствующую развитию женского предпринимательства. На фондовом рынке Китая в 2011–2012 гг. из 802 зарегистрированных на бирже компаний женщины контролировали 123 (15,34 %). Из 305 вновь зарегистрированных компаний 62 контролировались женщинами (20,3 %). По данным 2017–2018 гг. Глобального мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor) женщины-предприниматели составляли 20 % от числа всех китайских предпринимателей. Отметим, что 98 % этих женщин были успешны, а 114 из 147 женщин-миллиардеров мира проживали в Китае¹⁷. В 2024 г. доля предпринимателей-женщин составила 29,7 %. Значимо, что Женский альянс БРИКС поставил цель увеличения доли женщин-предпринимателей в своих странах к 2030 г. до 50 % (в 2024 г. средний уровень по странам-участникам БРИКС составлял 23 %: от 44,9 % в России до 12,4 % в Индии и 5,3 % в Егип-

те)¹⁸. Несмотря на разную культурную и экономическую специфику стран, участники БРИКС считают, что барьеры для женского предпринимательства во многом схожи: недостаток финансовой поддержки на старте, недостаток компетенций, гендерные предрассудки. Отметим и то, что согласно исследованию авторов «Harvard Business Review», гендерное равенство будет иметь ощутимую эффективность для бизнеса при наличии не только правовых норм и институциональных обязательств и условий, установленных государством, но и при наличии общественного одобрения («сильной культурной поддержки») [27].

По мнению китайских аналитиков, существует взаимосвязь между количеством детей и вероятностью трудоустройства женщин; дилемму «семья-карьера» приходится решать многим (каждый «дополнительный» ребенок снижает заработную плату женщин примерно на 10 %). Согласно данным Школы социальных наук Китайского университета науки и технологий (июнь 2021 г.), наличие одного ребенка снижает шансы женщин на трудоустройство примерно на 6 %, двух детей — на 9,3 % (по сравнению с замужними бездетными). Один из вариантов решения — дать женщинам возможность зарабатывать при минимальном отрыве от дома и семьи. Федерация женщин в 2023 г. организовала обучение более 100 тыс. женщин — лидеров в области электронной коммерции и привлекла к работе более 1500. Благодаря системе «Интернет + женское предпринимательство», которая изначально была создана для того, чтобы женщины не покидали свои семьи, более 10 тыс. женщин значительно увеличили свои доходы; сегодня 55 % предпринимателей в сфере Интернета — женщины.

По мнению китайских аналитиков, наступило время, когда необходимо перестать обесценивать домашний женский труд, отказаться от привычного патриархального представления о разделении обязанностей между мужчинами и женщинами в браке (уход за родителями и детьми, воспитание). Иначе при сохранении традиционной роли «хранительницы очага» и увеличении профессиональной занятости социальная нагрузка на женщин удваивается. Согласно национальному опросу 2011 г., семейные и домашние обязанности являются решающими факторами низкой гражданской, социально-культурной, экономической активности женщин: по-

¹⁵ China Statistical Yearbook 2023. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm?utm_source=chatgpt.com.

¹⁶ Global Gender Gap Report 2023 // The World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2023/> (дата обращения: 12.11.2024).

¹⁷ 全球创业观察2017/2018中国报告 [Отчет Global Entrepreneurship Watch за 2017/2018 годы по Китаю]. URL: <https://www.gemconsortium.org/report/global-entrepreneurship-monitor-20172018-china-report>.

¹⁸ Барьеры везде одни // Коммерсант. 2024. 06 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6552760>.

давящее большинство опрошенных (более 83,5 %) считали, что возможности женщин «хуже, чем у мужчин», и что мужчины должны «осознанно выполнять обязанности по дому» [20]. Очевидно, что перераспределение гендерных ролей в семье или — при сохранении государственно-центричного подхода — создание системы гибких социальных механизмов поддержки семей становится все более актуальным.

Следующая фиксируемая тенденция — расширение участия женщин в сфере управления. Провозглашенная в ранний период истории КНР концепция участия женщин в политике «по крайней мере одна женщина или более» на практике фактически трансформировалась в принцип «только одна женщина», что привело к жесткой конкуренции между компетентными женщинами, а не к расширению гендерного представительства. Поэтому в 2007 г. было решено ввести процентное соотношение (не менее 22 % женщин от общего числа представителей 11 Пленума ВСНП в 2008 г.). Это имело положительное значение, пусть не быстро, но росла доля женщин-политиков. Среди 2980 депутатов 13 Всекитайского собрания народных представителей Китая были 742 женщины-депутата (24,9 % от общего числа представителей). Отметим, что практически не расширяется представительство женщин в руководстве КПК (в 2002 г. — 7,6 %). В 2022 г. в состав Центрального Комитета 20 созыва КПК вошли 11 женщин (5,36 %), в прошлом созыве было 10 (4,9 %)¹⁹.

Можно отметить рост в 2021–2022 гг. численного представительства женщин на разных уровнях регионального управления (в среднем рост составил от 0,2 % до 2,6 %). Так, в целом доля участия женщин в провинциальных муниципальных и окружных органах власти составила от 6,5 % до 10,6 % состава (увеличение от 0,2 % до 1,2 % в 2021 г. и на 1,1–1,2 % в 2022 г.)²⁰. Активнее стали привлекать женщин к управлению на низовом уровне. Так, среди членов сельских комитетов доля женщин увеличилась за год на 2,6 % (составила 26,8 %). Стоит отметить, что планомерно реализуется цель расширения участия женщин в корпоративном управлении: в составах советов директоров, наблюдательных советов, на руководящих должностях в корпорациях. В 2021 г. доля женщин

среди директоров увеличилась на 2,7 % (составила 37,6 %) и выросла на 2,3 % среди руководителей предприятий (составила 40,5 %), в 2022 г. — 40,8 %. Женщины стали играть заметную роль и в общественных организациях, где их доля составила в 2021 г. 39,2 % (рост за год на 2,2 %), в 2022 г. — 41,5 %²¹. Доля женщин среди руководителей общественных организаций составила 26,7 %. Сегодня особое внимание предполагается уделять выявлению и развитию женщин-лидеров.

В этой связи хотим отметить сложившийся в последнее десятилетие интерес китайских исследователей к социальным последствиям влияния женщин, находящихся на высоком карьерном и управленческом уровне, на политику компаний. Так, Ф. Вэй, Б. Динг и Ю. Конг, анализируя Китай как пример развивающейся экономики, наблюдали за развитием более 100 компаний в течение 8 лет (2008–2015 гг.) и пришли к выводу, что наличие в Советах директоров как минимум трех женщин положительно влияет на экологическое корпоративное воздействие (особенно на предприятиях госсектора и предприятиях из секторов промышленности с максимальными объемами выбросов)²². Еще одно исследование, опубликованное в 2018 г., подводит итоги наблюдения за 12 941 компанией в течение 2006–2014 гг. Авторы пришли к выводу, что наличие женщин в высших исполнительных органах управления оказывает положительное влияние на укрепление корпоративной социальной ответственности (КСО)²³. Отметим, что в 2021 г. доля женщин-директоров в КНР состав-

²¹ Отчет о статистическом мониторинге Национальной программы Китая по улучшению положения женщин (2021–2030) за 2022 год. 01.01.2024. National Bureau of Statistics of China // URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202401/t20240115_1946563.html.

²² Мнение частного сектора // WorldBankGroh. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099750006142216392/text/IDU0498e2e92007f904aca0856706cc03a21f4d3.txt>.

²³ Отметим, что по мнению российских экспертов административное давление — главный фактор, стимулирующий китайские компании принимать на себя обязательства по КСО. Китай считает КСО важным для реализации национальных целей, для международного имиджа. К тому же в Китае ведение, например, благотворительности — удобный способ укрепления личных связей с государственными должностными лицами или усиления поддержки местных органов управления для развития бизнеса в регионе. В условиях более активного участия и расширения представительства женщин их влияние на КСО представляется весьма перспективным для дальнейшего исследования. За рамками бизнеса: как лидеры КСО Китая и России занимаются благотворительностью // Институт исследования быстроразвивающихся рынков СКОЛКОВО. 2011. 07 февр. URL: <https://www.skolkovo.ru/news/1206-2011-02-0745631/>.

¹⁹ В новый состав ЦК Компартии Китая вошли 11 женщин // РИА Новости. 2022. 22 окт. URL: <https://ria.ru/20221022/kitay-1825914341.html>.

²⁰ Отчет о статистическом мониторинге 2021 года «Основные направления развития китайских женщин (2021–2030)» 20.04.2023 // URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202304/t20230417_1938687.html.

ляла 13,8 %, что гораздо ниже европейских показателей, но выше, чем в странах Восточной Азии (для сравнения, в Южной Корее — 8,7 %). В то же время доля женщин-финансовых директоров в китайских предприятиях составляла 26,3 %, что выше средних мировых показателей.

Важнейшим условием успешной реализации гендерной политики является равный доступ на всех уровнях в сфере образования. Число девушек, поступающих в колледжи и университеты материкового Китая, с 2007 г. превысило число юношей. В 2021 г. число студенток в высших учебных заведениях составило 50,2 %. Паритет достигнут в поствузовском образовании (51,2 % женщин-аспирантов), сокращается разрыв в научной грамотности. Поэтому для Китая важным стало принятие решения о совершенствовании качества высшего и среднего профессионального образования, расширение доступа к науке для женщин. Стоит учитывать, что сегодня экономика и рынок Китая кардинально меняются ввиду двух главных тенденций: во-первых, из-за перехода от экономики инвестиций и производства к экономике потребления, услуг и инноваций (меняется сам тип рабочих мест, возрастает потребность в кадрах высокой квалификации: по данным MGI, на 46 %); во-вторых, в результате распространения цифровизации и автоматизации (в Китае технически возможно автоматизировать 395 млн рабочих мест с полной занятостью). Министерство образования КНР определило 15 секторов, которые столкнутся с нехваткой кадров в период до 2030 г. [28]. Следовательно, задача гендерной политики меняется: не просто дать широкий доступ к образованию женщинам, но и обеспечить инновационный уровень образования, возможность профессиональной переподготовки. Так, сегодня в Китае осуществляется проект «Весенний бутон», направленный на оказание помощи женщинам в изучении STEM (science, technology, engineering, math) — для полноценной подготовки для работы в технологических компаниях²⁴. Увеличен возрастной предел для женщин при подаче заявлений в Молодежный фонд науки (с 35 до 40 лет) и для получения премий в области науки и техники для молодежи (с 40 до 45 лет). Это на 5 лет больше, чем для мужчин.

Однако исследования фиксируют не только «феминизацию» высшего образования, но и ее

²⁴ STEM — профессии в области науки, техники, инженерии и математики, тот набор профессий, которые хорошо оплачиваются и, как ожидается, в будущем будут приобретать все большее значение и масштабы (GlobalGenderGapReport, 2023).

отрицательные последствия. Возросшие образовательные возможности и экономическая самостоятельность женщин меняют их отношение к браку и деторождению (в 2021 г. 64,1 % женщин не считали брак обязательным) [29]. Согласно опросу 2021 г. Национальной комиссии здравоохранения, среднее число детей, которое планируют иметь женщины репродуктивного возраста, составляет 1,64, что ниже, чем в 2017 г. (1,76) и 2019 г. (1,73). С повышением уровня образования снижается количество детей: если у женщин, окончивших начальную школу, детей в среднем рождается 1,97, то у женщин с высшим образованием — 0,94 (со степенью магистра — 0,63)²⁵. Отметим еще один вызов — старение населения и сокращение населения трудоспособного возраста. Поэтому образовательные организации в сегменте 60+ активно ищут эффективные стратегии обучения людей старшего возраста.

В последние годы правительство Китая придает большое значение роли неправительственных организаций. В Китае нет значительного разнообразия организаций, которые бы защищали права женщин в разных сферах, тем более действовали вне политического курса КПК. Основную роль играет Всекитайская федерация женщин — крупнейшая неправительственная организация, в ее организационную систему входят местные женские федерации (в 2024 г. представительство было в 31 провинции). Стоит отметить, что в отчете о работе Правительства КНР 5 марта 2024 г. на второй сессии 14-Всекитайского собрания народных представителей премьер Госсовета КНР Ли Цзянь, перечисляя основные задачи на будущее, призвал в том числе «решительно устранять дискриминацию в сфере занятости, такую как дискриминация по признаку пола, возраста и образования», «поддерживать Коммунистическую Лигу молодежи, Федерацию женщин и другие общественные организации, чтобы они играли более активную роль»²⁶. Всекитайская федерация профсоюзов, Центральный комитет Лиги коммунистической

²⁵ 中国女性职业发展报告 2023 版. 育娲人口研究. 文: 梁建章, 任泽平, 黄文政, 何亚福, 於嘉, 鲍笛. [Отчет о развитии карьеры женщин в Китае за 2023 год. Исследование народонаселения]. URL: <https://download.caixin.com/upload/zgnxzyfzbg2023.pdf>.

²⁶ 政府工作报告 — 2024年3月5日在第十四届全国人民代表大会第二次会议上国务院总理 李强 [Отчет о работе правительства — 5 марта 2024 года на второй сессии 14-го Всекитайского собрания народных представителей. Премьер Госсовета КНР Ли Цзянь // Информационное агентство Синьхуа, Пекин, 12 марта]. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202403/content_6939153.htm.

молодежи Китая, Федерация инвалидов Китая, Китайская научно-техническая ассоциация — все (в соответствии со своими целями) работают над продвижением идеи и практики гендерного равенства. Так, в 2023 г. по случаю третьей годовщины Пекинского фонда общественного благосостояния «Starbucks» был официально представлен его флагманский проект — план финансирования сообщества «Future Star». Проект направлен на четыре сферы «дружелюбия», в том числе «дружелюбие к женщинам». На просвещение населения и пропаганду ценности женщин (их труда, их участия в жизни общества) направлены различные формы. Активную популяризацию ведет региональное представительство «ООН-Женщины». Так, в октябре 2023 г. в Пекине во время проведения 13 Национального конгресса китайских женщин состоялась интерактивная выставка «Наследие китайской культуры и цветущий женский стиль — специальная презентация проекта “Гениальные матери”, способствующего развитию женщин», организованная Китайским фондом развития женщин и Китайским музеем женщин и детей с целью популяризации традиционных женских ремесел. В рамках реализации проекта женщины могут воспользоваться разными возможностями: обучением навыкам лидера, рекламными услугами, поддержкой дизайнеров²⁷.

Разные формы принимают усилия по сохранению семейно-брачных отношений²⁸. Развивается система брачно-семейного консультирования. Так, к концу 2022 г. 50,8 % агентств по регистрации браков предоставляли рекомендации по вопросам брака²⁹. В 2022 г. женские федерации всех уровней провели 113 тыс. лекций по семейному воспитанию. Федерации выбрали и отметили 42 тыс. семей, в которых «соблюдаются пять добродетелей» (моральных семейных стандартов) и более 1,6 млн «самых

красивых семей». В августе 2024 г. Всекитайская Федерация женщин инициировала «как общественно-полезное мероприятие» проведение массовой (5 тыс. пар молодоженов) свадебной церемонии в Пекине с онлайн-трансляцией по всей стране. Целью мероприятия являлась пропаганда упрощенных форм проведения свадеб, пропаганда отказа от устаревших обычаев (дорогих подарков). Усилия в целом имеют эффект: в 2023 г. было зарегистрировано браков на 12,4 % больше, чем в 2022 г.³⁰

Сегодня так или иначе вопросы гендерного равенства вплетены в решение многих задач модернизации. Так, Китай активно интенсифицирует сельское хозяйство, являющееся основой национальной экономики. Именно женщины составляют основную рабочую силу в этой сфере (более 60 %). В последние годы принимаются меры для решения проблем сельских районов: рост инвестиций, реформирование сельских налогов и сборов, техническое перевооружение, помощь женщинам в развитии бизнеса³¹. Соответствующие правительственные департаменты сотрудничают с Федерацией женщин в проведении кампании «Двойное обучение», направленной на то, чтобы помочь сельским женщинам «изучать культуру, науку и технику и в полной мере сыграть важную роль в развитии сельской экономики». «Проект счастья — Акция в помощь бедным матерям» направлен на развитие сельских местностей и реализацию трех целей: «вылечить бедность (экономическая помощь — основная цель), вылечить невежество, вылечить болезни». Популярный благотворительный проект получил государственную поддержку³². Успешно реализуется «Проект матери водоема» (母亲水窖), направленный на улучшение доступности питьевой воды в бедных районах Китая, особенно на западе страны (декларируется как помощь в первую очередь женщинам и детям). В 2022 г. 95,9 % источников питьевой воды в городах на уровне префектур соответствовали

²⁷ 传承中国文化，绽放巾帼风采——“天才妈妈”赋能女性发展特别呈现活动在京举办 [Наследование китайской культуры и цветущий женский стиль — в Пекине состоялось специальное презентационное мероприятие для «Гениальных матерей», призванное способствовать развитию женщин]. URL: <https://gongyi.sina.com.cn/gyzx/2023-11-02/doc-imztfhpk5469863.shtml>

²⁸ По сообщению агентства Синьхуа, 30 октября 2023 г. Си Цзиньпин на встрече с новым руководящим составом Всекитайской федерации женщин призвал сделать акцент на формировании взглядов молодых людей на брак, деторождение и семью.

²⁹ Statistical Monitoring Report of China National Program for Women's Development (2021–2030) in 2022 // National Bureau of Statistics of China. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202401/t20240115_1946563.html.

³⁰ Массовые свадебные мероприятия по всему Китаю направлены на упрощение свадебной церемонии // Синьхуа Новости. URL: <https://russian.news.cn/20240821/12ea7b58a2b148bf9af13ab3c8a519f0/c.html>

³¹ 张莎莎，一位成功的女性农业企业家，在河北省带领合作社发展蔬菜种植业务。[Чжан Шаша, успешная женщина-предприниматель в сфере сельского хозяйства, возглавляет кооператив по развитию бизнеса по выращиванию овощей в провинции Хэбэй]. URL: <http://www.xinhuanet.com/>.

³² “幸福工程 — 救助贫困母亲行动”简介 [Введение в «Проект счастья — Акцию в помощь бедным матерям»]. URL: <https://gongyi.sina.com.cn/gyzx/2014-07-01/135549511.html>.

стандарту, доступ к водопроводной воде в сельской местности достиг 87,4 % (на 3,4 % больше, чем в 2021 г.).

Думаем, отдельно стоит упомянуть декларированное в сентябре 2023 г. в Совете ООН намерение активизировать усилия по созданию инклюзивной среды в интересах женщин с ограниченными возможностями здоровья. Постоянный представитель КНР при женевской штаб-квартире ООН Чэнь Сюй отметил, что женщины с ОВЗ сталкиваются с такими трудностями, как недостаточное социальное обеспечение, дискриминация и бедность³³. В рамках реализации гендерной политики отмечена необходимость активизации комплексных мер: от создания многоуровневой системы социального обеспечения до повышения осведомленности общества, в том числе через систему образования; необходимость расширения участия женщин с инвалидностью в экономической, культурной, социальной сферах (в 2022 г. в Китае было 86 млн инвалидов).

Среди факторов, ограничивающих реализацию гендерной политики, отметим несколько. Полагаем, что гендерная политика в КНР не имела такой же мощной поддержки со стороны правительства, как другие государственные программы (например, «политика одного ребенка»). В условиях патерналистского исторического наследия это влияло на модели дискриминирующего поведения в обществе, когда компании (например, увольняющие женщин по беременности) не сталкивались с общественной критикой или этическим осуждением. При динамичном развитии участия женщин в социально-экономической сфере, формировании комплекса законодательных мер, как полагают китайские исследователи, гендерному равенству не уделяется достаточно внимания в публичном пространстве Китая, даже после того, как движение «#MeToo» вызвало «короткий резонанс» в СМИ [30]. Респонденты-женщины в опросах значительно ниже, по сравнению с мужчинами, оценивают внимание СМИ к их проблемам. Отметим, что в новой редакции Закона КНР о правах и защите интересов женщин (ст. 28 о личных правах и интересах женщин) сделан акцент на усилении требований для сообщений СМИ, затрагивающих женские вопросы³⁴. Ш. Чжоу и Р. Чэнь

³³ Китай и страны-единомышленники призывают к созданию инклюзивных обществ для женщин с инвалидностью // Синьхуа. URL: <https://russian.news.cn/20230921/34510e9b2ec0459fb929f1c742a8a896/c.html>.

³⁴ Закон КНР о защите прав и интересов женщин (2023). URL: <https://chinahelp.me/registry-office/zakon-knr-o-zashhite-prav-i-interesov-zhenshhin-2023>.

отмечают негативное влияние традиционной образовательной системы. Во-первых, ориентированное на запоминание и систему экзаменов образование не формирует навыки критического анализа (как интеллектуальную прививку от склонности к предрассудкам и стереотипизации) и креативное мышление. Во-вторых, мальчиков и девочек не обучают моделям гендерно равноправного поведения (первых не учат уважать женщин, вторых — защищаться от дискриминации). Исследование образа женщин в китайской кино- и телекультуре выявило дискриминацию в репрезентации женщин. По оценке В. Чжисянь, для женских персонажей характерно поведение подчинения; демонстрируется крайне узкое пространство их существования — дом и семья; их способность к выживанию «намеренно» (по мнению автора, в силу того, что большинство создателей фильмов — мужчины) ограничена; образы «настолько хрупкие», что это требует опеки со стороны мужчин; мало образов работающих и конкурентно успешных женщин [31].

Подводя итоги, нужно подчеркнуть, что ведущую роль в формировании гендерного равенства и гендерной культуры в Китае выполняло и выполняет правительство КНР; гендерное выравнивание и сейчас представляет собой часть официальной идеологии, актуализировано в официальной риторике Пекина, умело используется для формирования позитивного международного имиджа КНР.

В октябре 2023 г. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин подчеркнул, что развитие женщин должно следовать по пути социализма с китайской спецификой, призвал Всекитайскую федерацию женщин приложить усилия для мотивирования женщин к внесению вклада в китайскую модернизацию³⁵. Так что содержательно политика гендерного равенства полностью согласуется с идеологическим и политическим курсом КПК, что является традиционным для КНР. Но при этом методы и формы ее реализации становятся все более разнообразными, учитываются актуальные потребности и вызовы. Кроме того, политика гендерного выравнивания вписана в глобальную повестку и осуществляется в условиях международного сотрудничества Китая в этой сфере. В марте 2023 г. заместитель председателя рабочей комиссии Госсовета по делам женщин и детей Линь И в Совете Безопасности ООН заявила, что Китай является сто-

³⁵ СиньхуаНовости. Russian.News. CN. URL: <https://russian.news.cn/20231031/764834fd09c0435fbee7332fb2c27782/c.html>.

ронником гендерного равенства. По ее словам, социальный статус китайских женщин, «чувства обретения, счастья и безопасности продолжали улучшаться в процессе китайской модернизации» и Китай призывает международное сообщество увеличить инвестиции в выполнение обязательств, содействуя глобальному гендерному равенству³⁶. Учитывая усилия КНР по модернизации, ценность международного престижа для Китая, ценность авторитета государства внутри страны и патернализм, характерные для менталитета и исторической традиции китайцев, их склонность к этатизму, полагаем, что Китай дополнительно активизирует реализацию политики гендерного выравнивания на всех уровнях.

В целом Китай демонстрирует значительный прогресс, гендерный разрыв сокращается, хотя рано говорить о кардинальном изменении общественного сознания, скованного традиционалистскими представлениями о гендерных ролях. Нужно учитывать, что само возникновение представлений о гендерном равенстве (в силу особенностей социального устройства, менталитета, специфики развития Китая, особенностей политической истории XX в.) было связано с преодолением огромного разрыва между укоренившимися патриархальными представ-

лениями о месте и роли женщин в социальной иерархии и новыми веяниями. В истории КНР политика гендерного равенства, включенная в более широкий контекст решения проблем модернизации и официально декларируемая, не раз оказывалась на периферии социальных преобразований. В современном Китае принятие Концепции развития китайских женщин (2021–2030) и новой редакции Закона КНР о защите прав и интересов женщин дает мощную законодательную основу и актуализирует политику гендерного равенства, которая стала частью национального развития. В КНР идет работа по созданию государственной системы гендерного мониторинга, придается большое значение сбору данных и всестороннему анализу положения женщин. Констатируем, что Китай сегодня в реализации гендерной политики нацелен на переход от равенства в правах к равенству в возможностях.

Достижение гендерного равенства — не краткосрочный проект, он требует политической воли, согласованных усилий разных институтов — от правительства до общественных организаций. Удастся ли Китаю концептуально осмыслить и эффективно соединить исторически сложившуюся и привычную для китайцев социальную иерархию и идею гендерного выравнивания, найти национальную модель реализации политики гендерного равенства — покажет время.

³⁶ «CGTN-Русский» — китайский международный телеканал, вещающий на русском языке. URL: https://vk.com/wall-134170537_203179.

Список использованной литературы

1. Шалак А.В. Россия и Китай: возможности стратегического сотрудничества через призму региональных связей / А.В. Шалак. — DOI 10.17150/2500-2759.2017.27(2).292-297. — EDN YQQOOF // Известия Байкальского государственного университета. — 2017. — Т. 27, № 2. — С. 292–297.
2. Климашевская О.В. Гендерная политика государства: генезис понятия / О.В. Климашевская, А.В. Крутов. — EDN NCZJEV // Женщина в российском обществе. — 2010. — № 4 (57). — С. 22–31.
3. Верченко А.Л. Гендерный вопрос в политике КПК раннего периода (1920-е годы) / А.Л. Верченко. — DOI 10.48647/x3168-4848-9637-s. — EDN XQFWIY // Исторические события в жизни Китая и современность : сб. статей. — Москва, 2021. — Вып. VI. — С. 22–37.
4. Корноухова Г.Г. Особенности китайского женского движения в первой половине XX в.: историографический взгляд современных китайских исследователей / Г.Г. Корноухова, Е.С. Луковкина. — EDN SHQIOL // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. — 2014. — № 2. — С. 47–57.
5. Степанова Е.Н. Гендерный вопрос на фоне социально-политической ситуации в Китае (в советской и российской историографии) / Е.Н. Степанова. — EDN STPCVF // Отечественная историография КНР: некоторые направления. — Москва, 2015. — С. 199–220.
6. Почагина О.В. Семья и брак в современном Китае / О.В. Почагина. — EDN XAVMXF // История Китая с древнейших времен до начала XXI века / ред. С.Л. Тихвинский. — Москва, 2016. — Т. IX. — С. 710–715.
7. 师风莲。当代中国女性政治参与研究综述。— 山东大学出版社, 2011年。[Ши Фэнлянь. Исследования по вопросу участия женщин в политической жизни современного Китая / Ши Фэнлянь. — Шандунский университет, 2011]. — URL: <https://www.doc88.com/p-4724413281633.html>.
8. Чжан Ш. Традиционное семейное воспитание в Китае / Ш. Чжан. — DOI 10.26795/2307-1281-2023-11-1-6. — EDN SIJRCI // Вестник Мининского университета. — 2023. — Т. 11, № 1 (42). — С. 6.

9. Минь В. Гендерные исследования в китайской лингвистике / В. Минь — DOI 10.17072/2037-6681-2016-4-49-57. — EDN XEJСXN // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2016. — № 4 (36). — С. 49–57.
10. Chenyang Li. Confucianism and Feminist Concerns: Overcoming the Confucian “Gender Complex” / Chenyang Li. — DOI 10.1111/0301-8121.00012 // Journal of Chinese Philosophy. — 2002. — Vol. 27, no. 2. — P. 187–189.
11. Севостьянова Е.В. «Дряхлый Восток заставил говорить о себе...»: Китай и Япония на страницах газеты «Восточное обозрение» в последней четверти XIX в. / Е.В. Севостьянова. — DOI 10.17150/2587-7445.2019.3(3).62-75. — EDN TIFDVA // Российско-китайские исследования. — 2019. — Т. 3, № 3. — С. 62–75.
12. Мацокин Н.П. Феминизм в Китае / Н.П. Мацокин // Вестник Азии. — 1911. — № 8. — С. 44–57.
13. Мартынов Д.Е. Антропологические, гендерные и расовые воззрения Кан Ю-Вэя (по материалам «Да тун шу») / Д.Е. Мартынов. — EDN OJQUAP // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 8-2 (14). — С. 155–157.
14. Вейхун Ч. Миссионеры и женское образование в современном Китае / Ч. Вейхун, Ч. Вейли — EDN QAJRWF // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2012. — № 4 (8). — С. 102–106.
15. Синецкая Э.А. Путь в Китай актуального западного идеологического концепта «Феминизм/гендер» / Э.А. Синецкая — EDN TRKELX // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — 2012. — № 1. — С. 109–120.
16. Куприянова Ю.А. Шанхайские женщины в первой половине XX в.: от «тройной покорности» к равноправию в браке / Ю.А. Куприянова. — EDN TFWQOX // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2014. — № 6. — С. 43–53.
17. Shen Yifei. Feminism in China. An Analysis of Advocates, Debates, and Strategies / Shen Yifei. — Shanghai, 2016. — 26 p.
18. Wang Zheng. “State Feminism”? Gender and Socialist State Formation in Maoist China / Wang Zheng. — DOI 10.2307/20459044 // Feminist Studies. — 2005. — Vol. 31, no. 3. — P. 519–551.
19. Zeng Benxiang. Women's Political Participation in China: Improved or Not? / Zeng Benxiang // Journal of International Women's Studies. — 2014. — Vol. 15, no. 1. — P. 136–150.
20. Chen Y. Gender Differences in Relation of Gender Role Attitudes and Happiness — A Mixed-Methods Research from China / Y. Chen, X. Zhang. — DOI 10.3389/fpsyg.2024.1419942 // Frontiers Psychology. — 2024. — P. 1–16. — URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2024.1419942/full>.
21. Баженова Е.С. Социально-демографическое развитие КНР / Е. С. Баженова. — EDN HUBSBB // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. — Москва, 2023. — С. 229–236.
22. Tools for measuring gender equality and women’s empowerment (GEWE) indicators in humanitarian settings / Goulart C.M., Purewal A., Nakhuda H. [et al.]. — DOI 10.1186/s13031-021-00373-6 // Conflict and Health. — 2021. — Vol. 15, no. 1. — URL: https://www.researchgate.net/publication/351635462_Tools_for_measuring_gender_equality_and_women's_empowerment_GEWE_indicators_in_humanitarian_settings.
23. Чень С. Экстраполяция традиционных взглядов на женщин в Китае / С. Чень. DOI 10.24290/1029-3736-2023-29-4-221-232. — EDN ZUSPDY // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и Политология. — 2023. — Т. 29, № 4. — С. 221–232.
24. Хуа Т. Гендерная дискриминация и контрмеры в социальной занятости женщин Китая / Т. Хуа. — EDN ZXNAZD // Социально-трудовая сфера в России и Китае: проблемы и пути решения : материалы междунар. науч.-практ. конф., Владимир, 06 дек. 2017 г. — Владимир, 2017. — С. 59–65.
25. Д’Андреа Д.К. Трудовое право Китая : практ. Руководство / Д.К. Д’Андреа. — 2019. — 164 с.
26. Чень С. Решение проблем дискриминации женщин в современном Китае / С. Чень. — DOI 10.18384/2949-5164-2024-2-142-149. — EDN TKKZII // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. — 2024. — № 2. — С. 142–149.
27. Turban S. Research: When Gender Diversity Makes Firms More Productive / S. Turban, D. Wu, L. Zhang // Harvard Business Review. — 2019. — Feb. 11. — URL: <https://hbr.org/2019/02/research-when-gender-diversity-makes-firms-more-productive>.
28. Пипия Л.К. Китай: подготовка кадров для меняющейся экономики / Л.К. Пипия, В.С. Дорогокупец. — DOI 10.37437/2222517X-2021-99-4-1-64. — EDN SNTWXC // Наука за рубежом. — 2021. — № 99. — С. 1–64.
29. Жань И. Семейные и социальные проблемы как результат повышения экономической самостоятельности женщин в Китае / И. Жань. — DOI 10.24158/spp.2023.3.4. — EDN HNHTUO // Общество: социология, психология, педагогика. — 2023. — № 3 (107). — С. 34–37.

30. Zhou S.Z. Using Education to Enhance Gender Equality in the Workplaces in China / S.Z. Zhou, R.H. Chen. — DOI 10.4236/jss.2019.79020 // Open Journal of Social Sciences. — 2019. — Vol. 7. — P. 259–272.
31. Чжисянь В. Феномен «гендерной предвзятости» в современной китайской кино- и телекультуре / В. Чжисянь. — EDN ZGEDGJ // Кинома.Science. — 2024. — № 2. — С. 25–30.

References

1. Shalak A.V. Russia and China: Opportunities for Strategic Cooperation Through the Prism of Regional Ties. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 292–297. (In Russian). EDN: YQQOOF. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).292-297.
2. Klimashevskaya O. V. Gender Policy of the State: the Genesis of the Concept. *Zhenshchina v Rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*, 2010, no. 4, pp. 22–31. (In Russian). EDN: NCZJEV.
3. Verchenko A.L. Gender Problem in the CCP'S Early Period Policies (the 1920s). In *Historic Events in the Life of China and Modernity*. Moscow, 2021. Iss. VI, pp. 22–37. (In Russian). EDN: XQFWIY. DOI: 10.48647/x3168-4848-9637-s.
4. Kornoukhova G.G., Lukovkina E.S. Features of the Chinese Women's Movement in the First Half of the 20th Century: Historiographical View of Contemporary Chinese Researchers. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya = RUDN Journal of World History*, 2014, no. 2, pp. 47–57. (In Russian). EDN: SHQIOL.
5. Stepanova E.N. Gender Item in the Context of Social-Political Situation in China (in Soviet and Russian Historiography). In *PRC Native Historiography: Certain Directions*. Moscow, 2015, pp. 199–220. (In Russian). EDN: STPCVF.
6. Pochagina O.V. Family and Marriage in Modern China. In: Tikhvinskiy S.L. (ed.). *History of China from Ancient Times to the Early 21st Century*. Moscow, 2016. Vol. IX, pp. 710–715. (In Russian). EDN: XAVMXF.
7. Shi Feng-lian. *A Literature Review on Modern Chinese Women's Political Participation*. Shandong University, 2011. Available at: <https://www.doc88.com/p-4724413281633.html>.
8. Zhang Sh. Traditional Family Upbringing in China. *Vestnik Mininskogo universiteta = Vestnik of Minin University*, 2023, vol. 11, no. 1, pp. 6. (In Russian). EDN: SIJRCI.
9. Min W. Gender Studies in Chinese Linguistics. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya = Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2016, no. 4, pp. 49–57. (In Russian). EDN: XEJCN. DOI: 10.17072/2037-6681-2016-4-49-57.
10. Chenyang Li. Confucianism and Feminist Concerns: Overcoming the Confucian "Gender Complex". *Journal of Chinese Philosophy*, 2002, vol. 27, no. 2, pp. 187–189. DOI: 10.1111/0301-8121.00012.
11. Sevostyanova Ye.V. "The Shriveled Orient Made all Talk about itself...": China and Japan in Columns of the Newspaper "Vostochnoye Obozreniye" in the Last Quarter of 21st Century. *Rossiisko-kitaiskie issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2019, vol. 3, no. 3, pp. 62–75. (In Russian). EDN: TIFDVA. DOI: 10.17150/2587-7445.2019.3(3).62-75.
12. Matsokin N.P. Feminism in China. *Vestnik Azii = Bulletin of Asia*, 1911, no. 8, pp. 44–57. (In Russian).
13. Martynov D.E. Anthropological, Gender and Racial Views of Kang You-Wei (by the Materials of Da Tongshu). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2011, no. 8-2, pp. 155–157. (In Russian). EDN: OJQUAP.
14. Veikchun Ch., Veily Ch. Missionaries and Women's Education in Modern China. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2012, no. 4, pp. 102–106. (In Russian). EDN: QAJRWF.
15. Sinetskaya E.A. Road to China: Actuality Western Ideological Concept Feminism/Gender. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii = Bulletin of the Buryat State University. Human Research of Inner Asia*, 2012, no. 1, pp. 109–120. (In Russian). EDN: TRKELX.
16. Kupriyanova Yu.A. Shanghai Women in the First Half of the Twentieth Century: from the "Triple Obedience" to Equality in Marriage. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost = East. Afro-Asian Societies: History and Modernity*, 2014, no. 6, pp. 43–53. (In Russian). EDN: TFWQOX.
17. Shen Yifei. *Feminism in China. An Analysis of Advocates, Debates, and Strategies*. Shanghai, 2016. 26 p.
18. Wang Zheng. "State Feminism"? Gender and Socialist State Formation in Maoist China. *Feminist Studies*, 2005, vol. 31, no. 3, pp. 519–551. DOI: 10.2307/20459044.
19. Zeng Benxiang. Women's Political Participation in China: Improved or Not? *Journal of International Women's Studies*, 2014, vol. 15, no. 1, pp. 136–150.

20. Chen Y, Zhang X. Gender Differences in Relation of Gender Role Attitudes and Happiness – A Mixed-Methods Research from China. *Frontiers Psychology*, 2024, pp. 1–16. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2024.1419942/full>. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1419942.

21. Bazhenova E.S. Socio-Demographic Development of the PRC. In *People's Republic of China: Politics, Economics, Culture*. Moscow, 2022, pp. 229–236. (In Russian). EDN: HUBSBB.

22. Goulart, C.M., Purewal, A., Nakhuda, H. [et al.]. Tools for Measuring Gender Equality and Women's Empowerment (GEWE) Indicators in Humanitarian Settings. *Conflict and Health*, 2021, vol. 15, no. 1. Available at: https://www.researchgate.net/publication/351635462_Tools_for_measuring_gender_equality_and_women's_empowerment_GEWE_indicators_in_humanitarian_settings. DOI: 10.1186/s13031-021-00373-6.

23. Chen S. Extrapolation of Traditional Viewson Women in China. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya = Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2023, vol. 29, no. 4, pp. 221–232. (In Russian). EDN: ZUSPDY. DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-4-221-232.

24. Hua T. Gender Discrimination and Countermeasures in Social Employment of Women in China. In *Social and Labor Sphere in Russia and China: Problems and Solutions. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Vladimir, December 06, 2017*. Vladimir, 2017, pp. 59–65. (In Russian).

25. D'Andrea D.C. *CLL – Chinese Labor Law*. 2019. (Russ. ed.: D'Andrea D.C. *Chinese Labor Law*. 2019. 164 p.).

26. Chen S. Addressing Discrimination Against Women in Modern China. *Vestnik Gosudarstvenno-gu universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki = Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 2, pp. 142–149. (In Russian). EDN: TKK-ZII. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-142-149.

27. Turban S., Wu D., Zhang L. Research: When Gender Diversity Makes Firms More Productive. *Harvard Business Review*, 2019, February 11. Available at: <https://hbr.org/2019/02/research-when-gender-diversity-makes-firms-more-productive>.

28. Pipiya L.K., Dorogokupets V.S. China: Training Personnel for a Changing Economy. *Nauka za rubezhom = Science Abroad*, 2021, no. 99, pp. 1–64. (In Russian). EDN: SNTWXC. DOI: 10.37437/2222517X-2021-99-4-1-64.

29. Ran Y. Family and Social Problems as a Result of Increasing Women's Economic Independence in China. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2023, no. 3, pp. 34–37. (In Russian). EDN: HNHTUO. DOI: 10.24158/spp.2023.3.4.

30. Zhou S.Z., Chen R.H. Using Education to Enhance Gender Equality in the Workplaces in China. *Open Journal of Social Sciences*, 2019, vol. 7, pp. 259–272. DOI: 10.4236/jss.2019.79020.

31. Zhixian W. The Phenomenon of “Gender Bias” in China's Modern Film and Television Culture. *Kinema.Science*, 2024, no. 2, pp. 25–30. (In Russian). EDN: ZGEDGJ.

Информация об авторах

Севостьянова Елена Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин, Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета, Российская Федерация, г. Чита, sevostyanova.elena@mail.ru.

Шаренкова Татьяна Аркадьевна — кандидат философских наук, доцент, кафедра иностранных языков, Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета, Российская Федерация, г. Чита, laoshi68@mail.ru.

作者信息

Yelena V. Sevostyanova — 历史学副博士, 副教授, 世界经济、创业与文科教研室, 贝加尔国立大学赤塔学院, 赤塔市, 俄罗斯联邦, sevostyanova.elena@mail.ru.

Tatiana A. Sharenkova — 哲学副博士, 副教授, 外语教研室, 贝加尔国立大学赤塔学院, 赤塔市, 俄罗斯联邦, laoshi68@mail.ru.

Authors

Yelena V. Sevostyanova — PhD in History, Associate Professor, Department of World Economy, Entrepreneurship and Humanities, Chita Institute of Baikal State University, Chita, Russian Federation, sevostyanova.elena@mail.ru.

Tatiana A. Sharenkova — PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Chita Institute of Baikal State University, Chita, Russian Federation, e-mail: academy@narhozchita.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

作者的贡献

所有作者对该出版物的准备作出了等量贡献。所有作者声明无利益冲突。

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Севостьянова Е.В. Основные тенденции политики гендерного равенства в Китае: историческая ретроспектива и актуальные социальные практики / Е.В. Севостьянова, Т.А. Шаренкова. — DOI 10.17150/2587-7445.2025.9(1).74-91. — EDN IZFRQE // Российско-китайские исследования. — 2025. — Т. 9, № 1. — С. 74–91.

For Citation

Sevostyanova Ye.V., Sharenkova T.A. Key Trends in Gender Equality Policy in China: Historical Retrospect and Current of Social Practices. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2025, vol. 9, no. 1, pp. 74–91. (In Russian). EDN: IZFRQE. DOI: 10.17150/2587-7445.2025.9(1).74-91.